

## Глава 6. Поворот направо с левым поворотником

Как гласит народная мудрость: «Бойся не слова неверного, а стороны не той».

Ань Но прекрасно понимал: раз Чжэн Жуй и Хань Цзыфэй — пара, то Босс ни за что не одобрит его участие в делах Хань Цзыфэя.

Один мудрый человек как-то подметил: «Доехав до Т-образного перекрестка, никто не мешает нам включить левый поворотник, а повернуть направо». В это мгновение, подобное вспышке молнии, Ань Но выбрал свою позицию. Он перенес вес на левую ногу, слегка ссутулился и принял донельзя расслабленный, почти апатичный вид:

— Босс, да если бы не ваше лицо, стал бы я ввязываться в эту муть? Вы же меня знаете: сам сыт — и вся семья довольна. Единственная моя страсть — это моя «жена». Мне и у вас отлично живется, зачем мне лишний раз головой рисковать?

Чжэн Жуй слегка нахмурился. В его узких фениксовых глазах вдруг блеснула острота, холодная, как лезвие бритвы. Он медленно, с головы до ног, окинул Ань Но изучающим взглядом. Атмосфера в комнате натянулась, давление ощутимо упало. Ань Но качнул головой и со вздохом добавил:

— Босс, право, не стоит так напрягаться. Я ценю вашу заботу! Но, честно говоря, вам бы лучше брата Ханя предупредить. Если он не станет меня втягивать, я и сам пальцем о палец не ударю.

Чжэн Жуй внезапно рассмеялся, и тяжелая аура вокруг него тут же развеялась.

— Мне правда не хочется, чтобы ты ошивался рядом с Хань Цзыфэем, это слишком опасно... Но раз ты всё понимаешь, то и ладно.

Ань Но кивнул и уже собрался уходить, когда Чжэн Жуй окликнул его. Достав из ящика стола банковскую карту, он бросил ее парню, словно игральную карту:

— Пароль — последние шесть цифр телефона на стойке бара.

— Ого! Босс, это что, плата за молчание? — Ань Но позволил себе наглую ухмылку.

— Вроде того. Стребовал с Хань Цзыфэя. Мало того что втихую использует моих людей, так еще и калечит их. Пусть оплачивает лечение.

— И сколько там?

— Сто тысяч.

— О боги! — возопил Ань Но. — Наконец-то я сменю «жену»!

В тот же день Ань Но спустил все деньги в мотосалоне и выкатил оттуда настоящего зверя — мотоцикл Yamaha YZR-R1. И тут же остался без гроша за душой. Его утешало лишь то, что аренда жилья была оплачена вперед.

\*\*\*

В этот день Бай Ичэнь потерял работу мерчендайзера в супермаркете и оказался на грани полной нищеты. Он был в отчаянии.

В десять утра, не сомкнув глаз почти всю ночь, Бай Ичэнь стоял перед бесконечными стеллажами. В глазах темнело, под ними залегли глубокие тени. За полтора часа ему нужно было расставить десять ящиков вина: наклеить ценники, промаркировать, выровнять товар по рядам. Обычно эта работа не вызывала трудностей, но сегодня он был выжат до предела. Накануне в «Ресторане домашней кухни Цзюсян» случился небывалый наплыв посетителей, и закончить удалось лишь к полуночи. Хоть довольный владелец и выдал ему две сотни сверху, Бай Ичэню хотелось только одного — рухнуть на кровать и провалиться в сон. Но реальность была сурова. После двух часов бесплодных попыток уснуть в комнате, напоминающей сауну, он сдался. Это была уже третья бессонная ночь подряд.

Оказавшись в прохладе торгового зала под мощными кондиционерами, он больше всего на свете хотел забиться в какой-нибудь тихий угол между полками и уснуть. Эти десять ящиков вина казались ему неподъемной ношей. Поначалу дело шло споро, но через полчаса мир перед глазами окончательно поплыл. Ноги подкосились, и, падая, он инстинктивно схватился за стеллаж...

Итог: месячное жалование — в ноль, и еще две тысячи долга сверху. Бай Ичэнь, охваченный жгучей обидой, даже не пытался спорить. С понурой головой он выплатил штраф и теперь сидел в комнате отдыха, дуясь на весь мир и разглядывая руку, порезанную осколками стекла.

Бай Ичэнь не привык сетовать на судьбу. Не потому, что был невероятно зрелым или мудрым, а потому, что жизнь давно лишила его этого права. У него не было времени на жалобы, а сил — и подавно. Каждую секунду его мозг лихорадочно соображал, как выжить, а сантименты казались бесполезным и глупым излишеством.

Потеря четырех тысяч разом стала для него сокрушительным ударом. Он в тысячный раз задумался о смене работы. В супермаркете нагрузка была бешеной, дисциплина — палочной, обеды не полагались, а любая неосторожность вела к вычетам из зарплаты. Если подобное повторится, он просто захлебнется кровью от бессилия.

Бай Ичэнь поднялся и стянул рабочую форму. Денег в этом месяце всё равно не видать, так что

можно со спокойной совестью прогулять остаток дня и зайти в больницу — подлечить руку.

\*\*\*

В этот день Чжоу Сюй тоже был не в духе.

Ему выпала сомнительная честь быть дежурным врачом-ординатором, причем в самом пекле — приемном покое скорой помощи. Последнее время каждый встречный одаривал его многозначительной улыбкой и заявлял: «Ну, Чжоу Сюй, держись! Зато какой опыт! Поднажмешь еще немного — и место лечащего врача в кармане».

«Место-то, может, и в кармане, только как бы до него живым добраться? — угрюмо думал Чжоу Сюй. — С такой нагрузкой я скорее на тот свет отправлюсь, чем на повышение». К полудню он успел наложить швы семерым пациентам и провести одну экстренную операцию. Карьера? К черту карьеру, спать охота!

Когда Бай Ичэнь зашел в смотровую, Чжоу Сюй как раз снимал халат, мечтая об обеде. Увидев окровавленную руку старого знакомого, он замер с таким выражением лица, будто сам собрался вознестись к небесам — желательно вместе с этим парнем.

— Опять ты? — простонал врач.

— А что, мне уже и пораниться нельзя? — огрызнулся Бай Ичэнь.

— Можно. Тебе всё можно!

Чжоу Сюй закатил глаза. «Спорить с ребенком — гиблое дело, — решил он. — Я врач. Я ангел в белом халате. Мой долг — спасти жизни».

Утешая себя этими мыслями, Чжоу Сюй взял пинцет, зажал пропитанный спиртом тампон и с особой тщательностью ткнул прямо в открытую рану:

— Будет немного больно, терпи. Нужно продезинфицировать.

Бай Ичэнь не выдержал. Его вопль прошел здание насквозь — с первого этажа по пятый.

Когда Чжоу Сюй вышел из смотровой, на его идеально белом воротнике виднелось кровавое пятно — след от чьих-то пальцев, а на полах халата красовался четкий отпечаток подошвы.

Стоя у кассы, Бай Ичэнь понял: доктор Чжоу Сюй мстит изящно и беспощадно. Сумму в чеке он перепроверял трижды. Ему казалось, что запятая в числе явно стоит не на своем месте.

Сжав квитанцию в кулаке, он ворвался обратно в приемный покой и вцепился в Чжоу Сюя, едва не вытрясая из него душу:

— Откуда такие цифры?! Объяснись!

— Послушай, — Чжоу Сюй старался сохранить невозмутимый вид, хотя в глазах плясали лукавые искорки, а уголки губ подергивались от едва сдерживаемого смеха. — Рана глубокая, там полно мышц, сухожилий и нервных окончаний. Я использовал импортный шовный материал. Кроме того, чтобы заживление прошло без осложнений и не осталось рубцов, я выписал лучшие зарубежные препараты.

На самом деле Чжоу Сюй не собирался его грабить. Счет был выше обычного меньше чем на пятьсот юаней, и материалы действительно были качественными. Он всё-таки был врачом, а не ростовщиком, и здоровьем пациентов не торговал.

Но всегда есть это проклятое «но». Состояние «финансы поют романсы» больше не описывало положение Бай Ичэня. Нынешняя «кровавая баня» поставила его на грань полного разорения — ведь он отработал всего два месяца.

И Бай Ичэнь взорвался.

Швы уже были наложены, за них пришлось бы платить в любом случае, но лекарства — дело другое. С видом человека, которому нечего терять ( «не изменишь рецепт — разнесу кабинет, мне всё равно не на что жить, есть и снимать жилье, так что пришиби меня на месте, всё равно до морга два шага, только каталку подай»), он вынудил Чжоу Сюя переписать назначения.

У Чжоу Сюя и так раскалывалась голова. Кто бы мог подумать, что обычная перевязка обернется встречей с этим красноречивым бедствием? Сдавшись, он выписал копеечный амоксициллин и спровадил несносного пациента, втайне мечтая больше никогда его не видеть. Он всё еще надеялся, что этот «злой гений» исчезнет из его жизни навсегда. Как же он ошибался. Реальность оказалась куда ироничнее.

\*\*\*

Выйдя из больницы, Бай Ичэнь медленно побрел вдоль Второй кольцевой автодороги. Нужно было принимать решение. От этого зависело его будущее. На перекрестке с улицей Дагуань он остановился. Налево уходила улица Ухуа — тесная, шумная, забитая магазинчиками одежды, лавками с дисками и бесконечными закусочными. Направо начиналась знаменитая барная миля, во главе которой гордо возвышалось «Пылающее искушение».

Налево: тяжелый труд за гроши, простая публика. Обидеть могут, но унижать вряд ли станут. Чаевых не жди.

Направо: тяжелый труд за приличные деньги, офисный планктон и золотая молодежь. Могут и обидеть, и унижить. Но чаевые реальные.

Куда повернуть?

«Сможешь ли ты терпеть?» — вдруг всплыл в памяти вопрос владельца бара. На самом деле вопрос стоял иначе: «Нужно ли мне достоинство?» и «Как его сохранить?». Как только суть проблемы прояснилась, Бай Ичэнь почувствовал, что нашел выход.

Первое: достоинство необходимо.

Второе: нужно просто научиться защищаться. Держаться подальше от проблем, выглядеть поскромнее, быть расторопным и не лезть на рожон... А если увидишь неадекватного клиента — пусть его обслуживает кто-то другой.

Бай Ичэнь едва не похлопал себя по плечу — какой молодец! Кто сказал, что работа в баре — это обязательно грязь? Это такая же честная работа. Главное — найти заведение «высокого полета». То «Пылающее искушение» выглядело вполне прилично.

Окрыленный этой мыслью, он решительно сменил курс. Гордо подняв знамя «поворота налево», он уверенно зашагал по правой дороге.

Руководствуясь принципом «лучше знакомое старое, чем неведомое новое», Бай Ичэнь, расправив плечи, предстал перед стойкой «Пылающего искушения». Даже правая рука, замотанная бинтами, словно кокон, не умаляла его решимости.

В этот момент из-за стойки, спускаясь по лестнице, появился Ань Но.

— Ого, малыш? Ты чего здесь забыл?

Бай Ичэнь с таким грохотом шлепнул удостоверение на стойку, что едва не потревожил свежие швы на правой руке:

— Я, Бай Ичэнь. Восемнадцать лет. Полных! Окончил школу. Пришел устраиваться официантом.

Он так яростно подчеркнул слово «полных», что Ань Но не выдержал и прыснул. Он с интересом разглядывал юношу, поражаясь его упрямству. «А парень-то с характером, не из тех, кто легко сдается».

Ань Но уже открыл рот, чтобы ответить, но за его спиной возник Чжэн Жуй. Он лениво бросил взгляд на незваного гостя:

— Я же сказал в прошлый раз: люди мне не нужны.

Сяо И, который как раз тащил ящик «Короны», тут же втянул голову в плечи и постарался незаметно исчезнуть.

Бай Ичэнь сделал шаг вперед. В его взгляде, как и при первой встрече, читалась непоколебимая твердость:

— Босс, я знаю, что люди вам нужны! Сяо И говорил, что дела идут в гору и рук катастрофически не хватает.

Чжэн Жуй и Ань Но синхронно посмотрели на пригнувшегося Сяо И. Тот мысленно выругался: «Ну и паршивец мелкий!»

— Босс, не отказывайте сразу, послушайте меня, — серьезно произнес Бай Ичэнь. Он стоял прямо, юное лицо было сосредоточено. Глаза, блестевшие из-под спутанных волос, казались непривычно мудрыми, будто в теле мальчишки поселился старец, выдавший виды.

Чжэн Жуй на миг замер, пораженный этой переменной.

— Меня зовут Бай Ичэнь, мне восемнадцать. Раньше работал мерчендайзером и официантом в ресторане, так что опыт у меня есть, — он не лгал: мойщик посуды тоже работает на благо гостей, а значит — почти официант. — Я вынослив, готов пахать в ночные смены. Над вашим вопросом я думал. Не знаю, смогу ли терпеть всё подряд, но я готов учиться ладить с разными людьми. Уверен, что справлюсь с пьяными клиентами и смогу за себя постоять. А если что-то и случится — значит, сам виноват, опыта не хватило. Вас я в это впутывать не стану, обещаю.

Ань Но прыснул в кулак. Малыш умел убеждать — в конце концов начало казаться, что это Босс теперь ему должен.

Чжэн Жуй искоса глянул на Ань Но, и в его глазах тоже мелькнула тень улыбки.

— К тому же, — Бай Ичэнь решил пустить в ход тяжелую артиллерию, — я вижу, что «Пылающее искушение» — заведение высокого класса. Это почти арт-салон. Публика здесь наверняка благородная, так что до крайностей дело не дойдет.

В баре повисла мертвая тишина.

Линь-цзы наконец поднял голову от работы, на его лице застыло выражение крайнего недоумения. Рука дрогнула, и струйка Black Label пролилась мимо стакана прямо на стойку.

Сяо И, застывший у сцены в нелепой позе, медленно повернулся к Бай Ичэню:

— Ты это сейчас над кем издеваешься?

Ань Но закатил глаза:

— Сяо И, ну ты и придурок! — Затем он повернулся к Чжэн Жую: — Чжэн-гэ, нам и правда не помешают лишние руки. Парень толковый. В прошлый раз, когда я выполнял поручение Ханя, он меня от засады спас. Дай ему шанс, считай, что это мой долг перед ним.

— Спас тебя? — вытаращился Сяо И. Он перевел взгляд с худощавого Бай Ичэня на рослого Ань Но и хохотнул: — Ань-цзы, ты что, совсем сдал?

Ань Но осталось лишь снова вздохнуть.

Чжэн Жуй поразмял шею, потянулся и с едва уловимой усмешкой произнес:

— Бар у нас и правда... изысканный. Потому и требования к персоналу жесткие. Ладно. Попробуем так: неделя испытательного срока. Начинаешь со следующего понедельника. Смена с семи вечера до трех утра, график плавающий, один выходной. Если докажешь, что соответствуешь нашему «высокому стилю» — возьму в штат. Зарплата на стажировке не положена, после приема — три с половиной тысячи в месяц.

Услышав про «три с половиной тысячи», Бай Ичэнь на мгновение выпал из реальности. Сумма казалась астрономической. Конечно, тон Чжэн Жуй не сулил легкой жизни, но это было уже неважно. Слово «стажировка» перечеркнуло все невзгоды этого проклятого дня.

Выйдя из бара, Бай Ичэнь напрямик направился в супермаркет — рассчитаться за вино и окончательно уволиться. Затем он побежал в «Ресторан домашней кухни Цзюсян» к Боссу Чэню пересматривать график. Терять работу в ресторане он не собирался — бесплатное питание было слишком весомым аргументом.

Босс Чэнь, добродушный пятидесятилетний уроженец Шаньдуна, всегда придерживался правила «в согласии — достаток». Трудолюбивый и вежливый Бай Ичэнь, который к тому же умел парой ласковых слов поднять настроение, был его любимчиком. Узнав о новой работе парня, Чэнь тут же поддержал его и, узнав, что смена в баре начинается только в семь, решил кормить его не только обедом, но и ужином.

— Одной миской больше, одной меньше — не разорюсь! — махнул рукой Босс. В итоге договорились: Ичэнь работает с половины двенадцатого до половины пятого, обедает, а потом помогает по мелочи до шести, ужинает и отправляется в «Пылающее искушение». Сделка была идеальной.

Бай Ичэнь улыбнулся. Жизнь наконец-то проявила к нему милосердие.

Вернувшись в свою каморку, он достал сберкнижку. За два месяца каторжного труда он скопил пять тысяч, три из которых сегодня улетели в трубу. Он возненавидел красное вино всей душой. То, что в супермаркете он по факту отпахал этот месяц бесплатно, не давало покоя. Оставшиеся две тысячи были неприкосновенным запасом, нужно было продержаться неделю до зарплаты в «Ресторане домашней кухни Цзюсян».

Бай Ичэнь рухнул на кровать, обхватив голову руками. Спина тут же взмокла — в подвале стояла невыносимая духота. Он раздраженно взъерошил волосы, перевернулся, пытаясь поймать хоть каплю прохлады, но через минуту пот залил и бока. Не выдержав, он вскочил, бросился в ванную и опрокинул на себя таз ледяной воды.

Холод принес мгновенное озарение. «Точно! Работа в баре с семи до трех! Пока приберешься, пока закончишь — уже четыре утра. Почти рассвет! Можно забиться в какой-нибудь уголок или кладовку прямо там и поспать до открытия «Ресторана домашней кухни Цзюсян»! А главное — там есть кондиционеры!» От этой мысли Бай Ичэня пробрал радостный азарт. Стоя посреди своей крошечной комнаты, он наконец-то искренне рассмеялся.

<http://bllate.org/book/18167/1747522>